

УДК 330.47

О ПРОБЛЕМАХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Л.В. Голоскоков, кандидат философских наук, доктор юридических наук,
профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин,
ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской
Федерации», г. Москва

В статье рассмотрены проблемы, возникающие при создании цифровой экономики, программа развития которой принята в России. Автор исследует также риски, возникающие в смежных сферах, предлагает решение некоторых проблем.

Ключевые слова: цифровая экономика, сетевая экономика, сетевое право, закон, образование, риски.

The article deals with the problems arising in the creation of the digital economy, the development program of which was adopted in Russia. The author also explores the risks arising in related areas, proposes solutions to some problems.

Keywords: digitaleconomy, network economy, network law, law, education, risks.

Новые понятия— цифровая экономика, сетевая экономика быстро прижились в науке и практике, поскольку отражали новые стороны реальности. Без их практического использования дальнейшее управление государством усложняется или даже становится невозможным. Рассмотрим некоторые проблемы перехода к цифровой экономике, возникающие при этом риски, способы их минимизации, пути решения поставленной и смежных задач.

История возникновения цифровой экономики начинается примерно с последнего десятилетия прошлого века, когда стали появляться первые работы на эту тему¹, но нужно отметить, что сначала вошло в оборот понятие сетевой экономики. Соответствующее понятие потребовалось и для сферы права. С этой

¹ Castells M. The Information Age – Economy, Society and Culture. Oxford: Blackwell Publishers. Vol. I: The Rise of the Network Society, 1996. 556 p.; Reidenberg J.R. E-commerce and Trans-Atlantic Privacy // Houston Law Review. 2001. N 38. P. 717-749.

целью автором была разработана «Теория сетевого права»², которая была опубликована в различных вариантах и послана во все высшие органы власти страны. Весьма быстромногие идеи теории сетевого права оказались реализованными и продолжают реализовываться в России в разных направлениях, в частности, это появление универсальной электронной карты, окончание проекта по её выпуску в 2017 году и дальнейшие модификации подобных карт и биометрических решений.

Активный процесс реализации цифровых решений несёт с собой опасности и риски, которых раньше не могло быть. Некоторые риски приносят новые технологии, другие – новые обстоятельства внутреннего и внешнего для страны характера. Появляются новые сферы деятельности, технологии, математический аппарат, что автоматически требует огромного числа квалифицированных специалистов в области экономики, права, управления, финансов, IT и других сфер, ноне всех таких специалистов в нужном количестве и нужного качества успевают производить российская система образования.

Вот два примера. В 2017 году на одной из конференций автор встретился с коллегой, доктором наук, который в кулуарах поведал о том, что в известном государственном вузе на экзамене обнаружилось, что студенты-экономисты не знают таблицу умножения. Такую же информацию автор получил на заседании кафедры при подведении итогов сессии в другом всем известном вузе, где выпускались экономисты, и была та же картина – ни один студент не решил простейшие задачи, причём никто не сделал даже попытку их решить. И вот эти выпускники далее пойдут работать в министерства экономики, финансов и другие государственные органы. Весьма неожиданное препятствие для внедрения цифровой экономики.

² Голоскоков Л.В. Теория сетевого права. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. 191 с.

Новейшая программа «Цифровая экономика Российской Федерации»³ разработана с учётом ранее принятых документов, например, она «учитывает и комплексно дополняет цели и задачи, реализуемые в рамках Национальной технологической инициативы и принятых документов стратегического планирования, в том числе отраслевых актов, в частности прогноза научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года». Прогноз нужен для разных государственных программ, поэтому он составлялся весьма тщательно, а именно, «при подготовке долгосрочного прогноза было использовано более двухсот информационных источников, в числе которых: аналитические исследования и прогнозы международных организаций, национальные прогнозы науки и технологий, прогнозы крупных корпораций и международных профессиональных ассоциаций, документы стратегического характера»⁴.

В прогнозе приведено множество направлений развития во всех возможных сферах – от молекулярной биологии, информационных, цифровых, сетевых технологий и до космоса. Всё было глубоко продумано, но реальность оказалась сложнее, чем её представляли эксперты НИУ ВШЭ, МГУ, Московского физико-технического института и многих других организаций, перечисленных в прогнозе. За техникой, технологиями и научными направлениями, как мы полагаем, в данном прогнозе составители потеряли самое главное, о чём в нём нет ни слова. Это – человек. Не сказано, кто и какими усилиями, за счёт каких ресурсов будет выполнять огромное количество сложнейших исследований по всем этим направлениям науки, только перечислить которые уже представляет собой непростую задачу. Направления удалось перечислить практически все, а вот человек оказался забыт, а здесь нужны специалисты мирового уровня, которые

³ Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 N 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // КонсультантПлюс.

⁴ Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года. (утв. Правительством РФ) // КонсультантПлюс.

будут с полной отдачей работать долгие годы, в том числе и на развитие цифровой экономики.

Если учесть современные проблемы академии наук, низкую зарплату учёных, профессоров, а также «компетенцию» выпускников, о чём мы написали выше, то возникает сомнение в успешности построения не только цифровой экономики, но и обычной экономики, в которой никак не удаётся сделать существенный перелом к лучшему. У авторов данных прогнозов и программ возникает эйфорическое чувство, и его вполне хотелось бы разделить, что цифровая экономика окажется успешнее, чем просто экономика и уж в ней-то, наконец, всё пойдёт на лад. В то же время, авторы программы понимают, что квалифицированные кадры нужны, и поэтому в дорожной карте программы установлен ориентир, который обозначен так: «обеспечен постоянно обновляемый кадровый потенциал цифровой экономики и компетентность граждан». Правильная мысль, но в дорожной карте она почему-то помещена не в первый, а в последний, 3-й этап, запланированный на 2024 год. В разделе «Кадры и образование» на I квартал 2018 года запланировано только следующее: выбор организации, отвечающей за разработку и тестирование модели компетенций, формирование её базе рабочей группы из представителей бизнеса, системы образования и заинтересованных органов власти.

Мы видим несогласованность во времени отдельных этапов. Непонятно, как с нынешними бакалаврами экономики, не знающими таблицы умножения, можно создавать новейшую цифровую экономику вплоть до 2024 года, когда такие кадры начнут выпускать. Конечно, мы не утверждаем, что все выпускники вузов имеют описанную нами квалификацию, мы привели примеры только по двум большим государственным вузам, и есть вузы, выпускающие настоящих экономистов, но ведь пока лично не удостоверись, что выпускники-экономисты могут не знать таблицу умножения, то поверить в это никак нельзя. Естественно, что и составители программы никак не могли предвидеть такого рода риски, которые создают неучтённые сложности выполнения программы

«Цифровая экономика Российской Федерации». Это в прямом смысле проблема цифровой экономики, когда студенты-экономисты не в ладах с цифрами.

Другие ошибки управления являются благими намерениями, против реализации которых невозможно возразить, так они хороши, но их выполнение представляется маловероятным. Так, например, сформулирован пункт программы цифровой экономики на определённую дату: «2.6.7. Созданы комфортные условия для привлечения действующих работников ИТ-индустрии для преподавания в системе профессионального образования по информационным технологиям». Возникает вопрос, что это за «комфортные условия преподавания»? Автор иногда опрашивает студентов разных вузов и задаёт им вопрос: кто хочет преподавать после окончания вуза? В аудитории из 150 студентов крупного государственного вуза один человек поднял руку и быстро её опустил на фоне полного отсутствия разделённых его взглядов коллегами. Это стандартная картина. Сложно планировать подготовку потока преподавательских кадров, основываясь на исключениях из правила.

Требования вузов по предоставлению всяких справок, списка трудов, наличия учёной степени и прочего настолько высоки, а зарплата настолько низка, что никакого энтузиазма преподавать не вызывает, тем более, у специалистов в сфере ИКТ. С другой стороны, сомнительно, что вузы пойдут на установление существенно большей зарплаты практикам, чем действующим профессорам, у которых она часто в разы меньше зарплаты практиков. Если вчерашний выпускник начнёт зарабатывать больше профессора, возникнет вопрос, зачем тогда нужны доценты и профессора, учёные степени и звания, публикации, индекс Хирша и масса иных показателей, на которых построена система отбора, продвижения и поощрения кадров в образовании. Возникнет и вопрос, чем лучше выпускник в сфере ИКТ, чем выпускник в областях истории, права, экологии, медицины? Пусть они все сразу идут преподавать и много зарабатывать. Но они не хотят, не могут, да и кто им сразу даст в вузе зарплату в 5-10 раз больше зарплаты профессора? Таким образом, мы видим заложенный заранее разрыв

между словом и делом. За четверть века существования образовательной системы специалисты-практики массово так и не пришли в вузы, ибо никто не хочет менять большую зарплату на работу с зарплатой маленькой, но с массой предъявляемых требований, с бесчисленными отчётами о каждом сделанном движении и всякими иными строгостями чисто формального характера. Хороший практик – это всё же достаточно редкое явление в вузе.

Далее программа цифровой экономики в этой части предусматривает на IV квартал 2020 г. вот что: «2.6.8. Обновлена нормативная правовая база для образовательных организаций в части организационно-методических условий, форм аттестации, программ, предметов, методических материалов и др.». Это правильно, но возникает вопрос, кто это будет делать? Это огромная работа, и составление рабочей программы даже по одному новому предмету представляет собой сложную и долгую работу, которую нужно проделать, прежде чем преподавать. Получается, чтобы начать преподавать нечто новое, нужно составить рабочую программу, разработать методические материалы, а есть ли у специалиста-практика навык разрабатывать эти материалы? Нет, это отдельная работа, которую практики делать не умеют, да и зачем, если всё это не оплачивается, а является лишь одним из многих условий приёма на работу? Пока практик будет разрабатывать рабочую программу, методики и преподавать, сама практика уйдёт далеко вперёд и он сам отстанет в практике. В сфере цифровых технологий всё развивается огромными темпами.

Радио Business FM 11 августа 2017 года сообщило о резко возросшем спросе на специалистов в сфере блокчейн, криптовалюты, биткоинов, а это всё элементы именно цифровой экономики. Специалистам при наличии 3-летнего стажа на рынке предлагается зарплата в 200 тыс. руб. в месяц, а это в разы больше, чем получает профессор на полную ставку. Но чтобы стать профессором, нужно защитить кандидатскую, докторскую диссертацию, а также 15-20 лет поработать в вузе. Каким же образом профессор в солидном возрасте разработает программу по обучению технологиям блокчейн и криптовалютам, в

которых он разбирается теоретически, но никогда не брался за сам инструмент и не работал практически? Поэтому сегодняшняя практика пошла по другому варианту – при крупных вузах быстро создают группы, готовые преподавать вышеназванные сложнейшие новинки за солидную плату в виде кратких спецкурсов. Здесь упор будет сделан на быстрое извлечение вузом прибыли из сложившейся ситуации. Будет ли это хорошо для страны, а не конкретного вуза – это пока вопрос. Появление в результате действия таких спецкурсов новых специалистов – явление положительное, но получится ли в итоге перелом в освоении цифровой экономики в целом в стране, не ясно, ибо цель в данном случае ставится тактическая – прибыль сегодня. Такую цель нужно в идеале встроить в общую программу стратегии.

Мы видим, что в данном случае право, являясь инструментом регулирования, не успело перейти опережающим способом в сетевой, цифровой формат, а остаётся бумажным (не цифровым, не сетевым, не электронным) инструментом со старыми длительными процедурами регулирования. Здесь и возникает концептуальный вопрос, как медлительное традиционное «бумажное» право будет регулировать и обеспечивать ускоренное развитие сверхдинамичной цифровой экономики? Пока по программе цифровой экономики в IV квартале 2019 г. должно быть «создано не менее 3 аспирантских и магистерских школ по каждому направлению "сквозных" технологий на базе ведущих вузов и научных организаций». Если магистра учат 2 года, а аспиранта 3-4 года, то в соответствии с программой лишь к 2021-24 годам появятся специалисты. Это потеря времени, темпов развития цифровой экономики. Пока всё делается обычным способом, а именно, по старинке, и таким образом реализуется мысль Президента Российской Федерации В.В. Путина, высказанная в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию: «совместно с бизнесом выстраиваем современную систему среднего

профессионального образования, организуем подготовку преподавателей колледжей и техникумов на основе передовых международных стандартов»⁵.

Это правильно, но в то же время здесь есть противоречие с намерением строить цифровую экономику, так как всё новое никаких стандартов иметь не может, ибо новое всегда развивается вопреки стандартам или когда их ещё нет. Стандарты возникают позже, когда тот, кто освоил новое, начинает продавать свои идеи и технологии вместе со своими стандартами и навязывает их всем остальным, примерно, как в своё время программу Windows навязали всему миру, и от такой модели Россия правильно решила отказаться, но сделать это быстро не может. В деле освоения цифровой экономики нужно быть всё время первым и создавать стандарты для других стран.

Итак, пока право не может решить все проблемы прогресса в сфере цифровой экономики, их нужно решать и другими способами, а именно, созданием при вузах, рядом с вузами, или как-то связанными с вузами многочисленных фирм, в которых студенты будут проходить практику не раз в год на старших курсах, а практически ежедневно. В таком случае специалист-практик сможет показать все новинки и обучить им прямо на рабочем месте, не оформляясь в штат вуза, где от него потребуют немислимое количество справок и документов, а потом ещё и отчётов. Но таких схем работы в России почти нет, во всяком случае, в сферах права, экономики и многих других.

Автор опробовал такую систему в сфере юриспруденции, когда создал некоммерческое партнёрство и пригласил в него на работу для прохождения практики студентов-юристов. Эксперимент был содержательно успешный, но экономически невыгодный из-за высокой арендной платы помещения и содержания необходимой техники. В содружестве с вузами такая модель вполне могла бы работать, а её особенность была в том, что студенты работали за плату, хотя и чисто символическую. Платность работы создавала ответственность,

⁵ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.12.2016 «Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию» // КонсультантПлюс.

стремление студентов к совершенствованию знаний и умений, показывала путь в сферу практики и заработков. Предложение автора, разосланное ректорам 170 крупнейших вузов России поддержать эксперимент и расширить его на базе своего юридического факультета, не нашло отклика. Анализ причин отказа привёл к тривиальному выводу: ректора боятся всего нового, и не важно, в какой сфере это новое, хотя авторский эксперимент был всего лишь развитием известной советской модели завода-втуза: утром – теория, вечером – к станку. Подобное отношение ректоров будет и кообразованию в сфере цифровой экономики. Нельзя построить новую цифровую экономику, не занимаясь бизнесом, а отсюда следуют риски совершения ошибок, неправильной уплаты налогов, других нарушений, которые неизбежны в практике, но, не прикасаясь к инструменту, нельзя научиться на нём работать.

Есть и чисто правовые препятствия. Так, на IV квартал 2018 г. программой цифровой экономики запланировано создать «механизмы государственно-частного партнёрства по таким направлениям, как квантовые вычисления, искусственный интеллект, робототехника». Однако новым законом о государственно-частном партнёрстве⁶ вообще не предусмотрено таких объектов. В программе это названо «направлением», а в законе – это «объекты», и вот таких объектов как квантовые вычисления и прочие цифровые премудрости в законе нет, потому что данный закон изначально ограничил список объектов всего 16 позициями, а позже расширил их до 18, в то время как регионами России за весь период существования государственно-частного партнёрства были наработаны, наверное, сотни разнообразных способов взаимодействия (это то, что законодатель назвал в законе объектами). Законодатель, действуя в современном духе запретов и ограничений (нужно же хоть что-то ограничить!), сделал закрытый список из 18 позиций (названий объектов государственно-частного партнёрства), что не было обосновано никакой необходимостью и не

⁶ Федеральный закон от 13.07.2015 N 224-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О государственно-частном партнёрстве, муниципально-частном партнёрстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // КонсультантПлюс.

способствует инициативе и нововведениям, и такие моменты ретроградства нужно будет преодолевать. Создали искусственное препятствие на ровном месте, и теперь его нужно преодолеть, а это усилия и время. Это мелочи, но таких мелочей очень много, все не исправишь, а их постепенное накопление создаёт препятствия развитию.

В программе неявно подразумеваются многочисленные получатели благ в лице соответствующих компаний, которые будут разрабатывать новые технические средства, технологии и будут за это получать финансовые дивиденды, но нет конкретики о том, что получит простой гражданин, не названы ответственные за исполнение программы, нет раздела о финансировании. Отметим, что аналогичная «Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016 – 2020 годы»⁷ Республики Беларусь имеет главу и соответствующее приложение, содержащее точные объёмы и конкретные источники финансирования. Принятое вслед за программой Постановление Правительства РФ от 28.08.2017 N 1030 «О системе управления реализацией программы «Цифровая экономика Российской Федерации»⁸ вопрос финансирования пока не решило.

Большинство российских программ, даже содержащие источники финансирования и ответственных лиц, не были реализованы, и это правило, а не исключение. Конечно, часть программы цифровой экономики могут реализовывать заинтересованные частные компании за свой счёт, и тогда определённые позиции программы будут выполнены. Таким образом, в финансовой части программы риски неисполнения известны, и они скажутся в полной мере, ибо без денег никакая программа не реализуема. Возможно, деньги

⁷ Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 23 марта 2016 г. № 235 «Об утверждении Государственной программы развития цифровой экономики и информационного общества на 2016-2020 годы» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 01.04.2016, 5/41866, <http://www.pravo.by/document/?guid=12551&p0=C21600235&p1=1>

⁸ Постановление Правительства РФ от 28.08.2017 N 1030 «О системе управления реализацией программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (вместе с «Правилами разработки, мониторинга и контроля выполнения планов мероприятий по реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации») // КонсультантПлюс.

будут выделены позже, и мы их увидим в другом документе, но как показывает практика, это не есть гарантия реализации программы.

И всё же настоящая проблема цифровой экономики заключается не в финансовой, технологической, образовательной сферах, а в другом: никакими новациями и технологиями нельзя вернуть в полном объёме фундаментальную вещь, на которой держался весь бизнес (и экономика) в старой купеческой России, когда было одно купеческое слово, и оно было основано на доверии. Цифра сама по себе заменить доверие не может, и в этом проблема и цифровой, и обычной экономики. Авторы программы знают об этой проблеме, но понимают её слишком узко, вот так: «Развитию цифровой экономики России сегодня препятствуют новые вызовы и угрозы, прежде всего: проблема обеспечения прав человека в цифровом мире, в том числе при идентификации (соотнесении человека с его цифровым образом), сохранности цифровых данных пользователя, а также проблема обеспечения доверия граждан к цифровой среде»⁹. То есть, они видят проблему доверия граждан к цифровой среде, что отчасти правильно, но на самом деле проблема намного шире, ибо граждане испытывают недоверие не к цифровой среде и цифровой экономике, которые пока только запланированы, а к государству, которое давно есть, использует цифровые (электронные, сетевые) технологии достаточно долго, но технологии совсем не виноваты в таких эпохальных ошибках, как приватизация, провал в пенсионной сфере, появление класса бедных, отъём пенсионных накоплений и т.д. Все эти и другие действия государство производило без всяких цифровых технологий. Сами по себе технологии нейтральны, вопрос в каких целях их используют, и вот здесь граждане уже обоснованно будут испытывать недоверие, но не к технологиям, а к государству, к властям, в тех случаях, когда они их будут применять против интересов людей. Постановка вопроса о недоверии к цифровой среде переводит ответственность власти на бездушную систему.

⁹ Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 N 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // КонсультантПлюс.

Всё это создаёт многочисленные риски выполнения программы в целом, и если некоторые из них носят технический характер и требуют многочисленных исправлений, улучшений, которые вполне реально сделать за соответствующее время и при определённых затратах денег, то проблема доверия техническими действиями не решается, ибо требует пересмотра социального мироустройства, возвращения потерянных ориентиров в социальном строительстве государства, которые являются первичными, а всякие технические вещи типа доверия граждан к цифровой среде – вторичными, производными, решаемыми относительно просто. Нет сомнения в том, что цифровая экономика, сетевая экономика и другие новейшие направления науки и практики являются передовыми, несут в потенциале многие блага и плюсы, но одновременно с этим возникают такие же по силе минусы и опасности, которые нужно виртуозно преодолевать силами науки, государства и общества, большим напряжением ума и воли, и это есть сложнейшая научная и нравственная задача, которую нужно правильно понимать и браться за её решение незамедлительно.

Для решения перечисленных проблем нужна некоторая платформа действия, объединительная идея, на базе которой возможен прорыв в развитии. Запрос на национальную идею озвучил в 2013 году на итоговой пленарной сессии международного дискуссионного клуба «Валдай» Президент Российской Федерации В.В. Путин¹⁰. Автором была разработана и представлена такая идея в виде концептуального документа под названием «Доктрина национальной консолидации»¹¹ и конкретного плана действий на её основе в виде проекта. Всё это было опубликовано в разных вариантах, озвучено на конференциях, издано в книге¹², а также послано Президенту Российской Федерации В.В. Путину. В своих обращениях мы акцентировали внимание на то, что сегодня в развитых странах элементы цифровой (сетевой) экономики активно создаются и внедряются. Об

¹⁰ Путин В.В. Речь на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 года, 19:45, <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243>

¹¹ Голоскоков Л.В. Доктрина национальной консолидации // Вопросы правоведения. 2014. № 4. С. 86-122.

¹² Государство, Конституция, Родина: к поискам национальной идеи и новой доктрины государства / под ред. д.ю.н. Л.В. Голоскокова. Москва: Проспект, 2015. 320 с.

одном из таких научных и практических достижений за рубежом пишут Д.Б. Изюмов и Е.Л. Кондратюк: «Примером организации сетей «гражданских сетевых войн» могут служить создаваемые в настоящее время в Пентагоне межфункциональные группы («Cross-functional teams» – CFTs). Данные группы создаются с целью оптимизации системы принятия решений, выработки эффективного и молниеносного решения возникшей проблемы, в интересах создания временного запаса и обеспечения доминирующих позиций в любом возникающем кризисе. Данная концепция уже широко применяется бизнесом и гражданскими органами управления США»¹³.

Из этого следует, что сетевая экономика, цифровая экономика, и как бы её ни называли иначе, существует в своих самых передовых проявлениях, но Россия здесь отстаёт. Поэтому необходимо догнать и перегнать, но традиционным способом, как это могут предложить большинство учёных, нам представляется, сделать невозможно или очень сложно.

Традиционный способ заключается в том, чтобы написать программу (её написали), создать НИИ, факультеты, кафедры, чтобы срочно изучать новые явления, проявившие себя на Западе, писать об этом статьи и книги и догонять. Но пока мы будем изучать, писать книги, практика уйдёт далеко вперёд и, кроме того, не всё новое, что делается за рубежом, освещается в научных изданиях и СМИ, иногда скрытно внедряемые новации станут известны, догонять будет поздно. Видимо, это бесперспективный путь, о чём мы и написали в своей доктрине и проекте. Мы предложили иной вариант – сделать рывок в практической сфере, которая должна идти впереди, мгновенно внедрять передовые научные идеи, привлекать науку, открывать новое, снова внедрять и таким образом опережать конкурентов.

Таким образом, можно констатировать, что перспективы развития сетевого права, цифровой экономики, сетевой экономики и любых их будущих

¹³ Изюмов Д.Б., Кондратюк Е.Л. Гражданские сетевые войны // Инноватика и экспертиза. Научные труды. 2016. Выпуск 3 (18). С. 81-86.

модификаций огромные, а препятствия в этом отношении видны в основном в том, что намечен традиционный путь освоения новых направлений, который представлен в программе «Цифровая экономика Российской Федерации». Нельзя сказать, что это неправильно, программа нужна, но нужен ещё и активный процесс практической деятельности в этом направлении, развивающийся снизу на основе личного интереса огромного числа наших учёных, студентов, профессоров, изобретателей, инноваторов, которые имели бы личный интерес, выделенный, чётко структурированный, защищённый государством, соединённый с интересами всех таких лиц и поэтому представляющий огромную научную и производительную силу.

Наши предложения заключаются в том, что большая государственная программа должна быть подкреплена созданием механизма подключения к её выполнению буквально всех граждан, и такие механизмы предложены нами в «Доктрине национальной консолидации» и вытекающим из неё детально разработанном проекте. Остаётся надеяться, что эти идеи будут восприняты, творчески доработаны при необходимости и реализованы.

Список литературы

1. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 N 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // КонсультантПлюс.

2. Постановление Правительства РФ от 28.08.2017 N 1030 «О системе управления реализацией программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (вместе с «Правилами разработки, мониторинга и контроля выполнения планов мероприятий по реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации») // КонсультантПлюс.

3. Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года. (утв. Правительством РФ) // КонсультантПлюс.

4. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.12.2016 «Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию» // КонсультантПлюс.

5. Путин В.В. Речь на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 года, 19:45, <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243>

6. Федеральный закон от 13.07.2015 N 224-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О государственно-частном партнёрстве, муниципально-частном партнёрстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // КонсультантПлюс.

7. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 23 марта 2016 г. № 235 «Об утверждении Государственной программы развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 01.04.2016, 5/41866, <http://www.pravo.by/document/?guid=12551&p0=C21600235&p1=1>

8. Голоскоков Л.В. Теория сетевого права. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. 191 с.

9. Голоскоков Л.В. Доктрина национальной консолидации // Вопросы правоведения. 2014. № 4. С. 86-122.

10. Государство, Конституция, Родина: к поискам национальной идеи и новой доктрины государства / под. ред. д.ю.н. Л.В. Голоскокова. Москва: Проспект, 2015. 320 с.

11. Изюмов Д.Б., Кондратюк Е.Л. Гражданские сетевые войны // Инноватика и экспертиза. Научные труды. 2016. Выпуск 3 (18). С. 81-86.

12. Castells M. The Information Age – Economy, Society and Culture. Oxford: Blackwell Publishers. Vol. I: The Rise of the Network Society, 1996. 556 p.;

13. Reidenberg J.R. E-commerce and Trans-Atlantic Privacy // Houston Law Review. 2001. N 38. P. 717-749.